

мастерству нельзя. То есть самое естественное — что в литинститут стремятся люди, способные к литературному творчеству, доказавшие это своими работами на творческом конкурсе и в этюдах — это хотят представить почему-то чем-то абсурдным. Абсурд — что такой институт существует... Абсурд — что в его стенах кто-то верит, что так открывается путь в литературу... И мы-то всё же верим, но прячем свою веру — потому что, как мне кажется, не позволяем себе формулировать задания литературной учёбы именно для студентов так бескомпромиссно, как это для них же необходимо...

Этюд — это школа литературного мастерства, а не вступительный экзамен в эту школу.

А. Е. РЕКЕМЧУК*

А ТЫ КТО ТАКОЙ?

На первом курсе Литературного института — когда новички уже освоятся в стенах аудиторий; когда начнут узнавать друг друга и звать по имени-фамилии; когда войдут во вкус пылких творческих дискуссий и будут, ещё по-школьному, тянуть руки к потолку, желая выступить — вот тут-то я и попрошу их написать первую обязательную работу: *автобиографический этюд*.

При этом поясню, что речь идёт вовсе не о канцелярской анкете, не о копии той автобиографии, что пишется для отдела кадров, а об очень важном сочинении, которое, быть может, определит содержание очередных опытов в прозе, а то и сюжет дипломной работы...

Что при этом имеется в виду?

Как известно, юные поэты изначально настроены на лирическую исповедь, на прописное Я в начале строки, их не нужно подталкивать к этому Я, а иногда приходится даже оттащить за шиворот от навязчивого «яканья».

Но такова извечная традиция поэтического слова!

Совсем иные традиции в прозаическом жанре. Здесь существует врождённая робость перед открытостью первого лица, сказывается до времени скудность личного жизненного опыта, боязнь сурового оклика, слышанного ещё в школе: «А ты чего якаешь?.. Ты кто такой? Космонавт? Герой войны? Народный артист? Запомни навсегда: Я — это последняя буква алфавита...»

И вы не посмеете возразить, что в русском языке первая буква древнего алфавита — именно Аз!

Это железное правило самоуничтожения ещё не столь давно распространялось и на художественную литературу. Собственно говоря, взрыв исповедальной прозы середины минувшего века, появление нового поколения шестидесятников — эти этапы характеризовались реабилитацией молодого Я, бунтом свободной личности против тирании общества и тоталитарного государства.

В равной мере это касается и жизненного опыта юных поколений. Тем более, когда речь идёт о начале нового века, тем паче — нового тысячелетия. Когда речь идёт о смене исторических эпох!

* Александр Евсеевич Рекемчук — прозаик, профессор кафедры литературного мастерства, руководитель семинара прозы, ФБГОУ ВО «Литературный институт имени А. М. Горького» (Москва, Российская Федерация); litmasterstvol@litinstitut.ru

Пожалуй, самое любопытное заключается в том, что этот призыв к открытости, к исповедальности — напишите о себе! — иногда (и даже очень часто) встречает сопротивление в душах самих молодых талантливых людей.

Да, они выполняют задание строгого руководителя семинара, напишут несколько страничек — *свой автобиографический этюд*, — но при этом останутся в глубоком убеждении, что это вряд ли сойдется в дальнейшей творческой работе.

Приведу несколько живых примеров из практики семинара прозы, который я веду.

В автобиографическом этюде студентки-первокурсницы **Светланы Марышевой**, приехавшей учиться в Литературный институт из Петербурга, я обнаружил строки, которые меня очень заинтересовали.

Она родилась в Байконуре — той точке Казахстана, которая и в советские времена, и поныне остаётся одним из самых известных и прославленных во всём мире космодромов: отсюда запускались первые спутники, первые аппараты, отправленные к Луне, к Марсу, в просторы Галактики...

Из разговора со Светланой узнал, что её отец — офицер неземной службы — действительно служил на космодроме в Байконуре, жил в военном посёлке, там обзавёлся семьей, там родились его дети, а потом, окончив службу, вернулся в Ленинград, в Петербург.

Но там — на среднеазиатских просторах бывшей советской империи — остались жить дедушка с бабушкой, русские люди, старики. Переехать в Россию после распада СССР у них, как и у миллионов бывших сограждан, не оказалось ни средств, ни сил, ни прав...

Конечно же, девочка понимала и чувствовала всю значимость этих обстоятельств, всю очевидную символику своего появления на свет.

Отнюдь не случайно в одном из её первых рассказов, написанных в Литинституте, появился эпизод, где девочка-героиня со своим школьным другом, сверстником, залезает на крышу петербургской высотки, чтобы разглядеть звёздное небо, чтобы быть ближе к звёздам!

Я пытался уговорить Светлану развить эту тему, написать о девочке-ракете, запущенной самим фактом рождения в Байконуре, — в космос мироздания. А заодно — и я подчёркивал, сколь это важно, — о судьбе дедушки и бабушки, оторванных от своего потомства, от своего рода, от своей большой родины.

Однако начинающая писательница старалась писать о чём угодно, но не об этом.

И её можно было понять: вокруг формировалась, созидалась новая жизнь, в том числе и её личная жизнь — порой неожиданно, непредсказуемо, — и вот уже она переходит на заочку, возвращается в Питер, вот уже она из Марышевой становится Востриковой, — разве это менее интересно, чем рождение в Байконуре?

И всё-таки тема жизни возобладала. В её дипломную работу, повесть «Ключи», полноправно и свежо ворвались сюжеты, заложенные в более ранний автобиографический этюд: и военный посёлок у Байконура, и место рождения, подобное космическому старту, и судьба предков, оторванных от своего потомства...

Как говорится, от себя не уйдёшь.

Передо мною — отчёт о семинарском занятии, состоявшемся 4 октября 2011 года.

Такие записи ведут в журнале сами студенты, а потом некоторые из них появляются на сайте Литературного института, перекочёвывают в Яндекс, Рамблер, Гугл — и делаются достоянием истории, литературы, прикипая к ещё незначимым именам молодых авторов...

В тот день мы обсуждали рассказ студента 4-го курса **Александра Тагирова**, который назывался «Мечта Лиды».

У меня нет особого желания пересказывать это сочинение. Думаю, подкованный читатель сам разберётся, сам уловит, о чём речь, по кратким цитатам и репликам из отчёта.

«...Вообще, это очень актуально! Сколько молодых людей приезжают покорять Москву, проваливаются на экзаменах, а потом идут работать в Макдональдс или на панель. Но читать было, увы, скучно, потому что с самого начала стало понятно, что попадёт Лида отнюдь не в Макдолнальдс...».

«...А о каком времени писал автор? Такие слова, как “саквож”, “портмоне” являются яркими приметамы девятнадцатого века. Но почему тогда ребята на дискотеке танцуют под “модный бит”?».

Ироничная цитата из текста рассказа: «...*Лифт тяжело загромыхал и начал подниматься откуда-то снизу*».

«Начитался плохих книжек про нежизнь. Плохо у нас пишут не только Маринина и Донцова!»

Короче говоря, когда до меня дошёл черёд подводить итог состоявшегося обсуждения, уже не было смысла повторять сказанное студентами — их разбор был предельно взыскателен и, к моей радости, вполне профессионален. Было ли что добавить к этому?

И тогда я сказал, что у меня вообще нет охоты заниматься разбором достоинств и огрехов рассказа «Мечта Лиды».

Что вместо этого я прочту аудитории вслух совсем другой рассказ. И что название этого другого рассказа и имя автора я назову позже.

...Пятилетний мальчик, сын военного лётчика, летает вместе с отцом по военным гарнизонам на стареньком АН-24. Он ещё не может понять, почему мама согласилась на это. Теперь он почти был членом экипажа. Ему даже выдали талоны на еду в лётную столовку: желтые на завтрак, красные на обед, синие на ужин. Когда самолёт проверяло начальство, мальчика прятали в салоне...

Однажды в самолёт попала молния, но ему рассказали об этом позже.

«...Никто не знал, куда мы сели — посадочную полосу отец заметил случайно, только когда мы снизились до пятисот метров и выбирали “поляну”. Я помню, что это была Чита, помню, как отец прятал меня за своей спиной, когда самолёт окружило начальство... Тогда экипаж долго жил в солдатской казарме, ожидая, пока самолёт залатают и начальство разрешит обратный вылет. У лётчиков это называется “ждать добра”...».

Я читал эти строки по залежавшейся рукописи и видел, поверх бумаги, внимательные глаза студентов, которые, возмужав творчески, теперь понима-

ли, сколь бесценен этот сюжет, как много значит термин «Жди добра», если сделать его обобщением, заглавием.

Но наиболее взволнованным было лицо автора «Мечты Лиды» **Саши Тагирова**: он уже успел позабыть свой автобиографический этюд, написанный ещё на первом курсе.

Его детская мечта — статья, как и отец, лётчиком — не осуществилась: подвело зрение. Окончив школу, он поступил в РГГУ, на факультет востоковедения, а оттуда перевёлся в Литературный институт.

Вероятно, его дипломной работой будет повесть «Жди добра».

Добавлю на всякий случай, что обязательный *автобиографический этюд*, который мои студенты пишут на первом курсе, умение вести повествование в первом лице, не бояться исповедальности, не бояться собственного Я, — что этим отнюдь не исчерпываются приёмы и навыки писательской работы.

На втором курсе я задам им столь же обязательный для каждого этюд, который будет называться «*Третье лицо — и никаких гвоздей*».

А потом будут третий, четвёртый курсы... Зато на пятом — свободное парение мысли и воображения почти уже состоявшегося писателя.

А. Ю. СЕГЕНЬ*

ТАЛАНТ ВСЕГДА ПРАВ, ИЛИ ВРЕМЯ ПОМЕНЯЛОСЬ?

В своё время, когда я поступал в Литературный институт, такого экзамена не было и в помине. Тем не менее никто из поступающих студентов никогда не был обличён в том, что представил на творческий конкурс не свою работу. И если бы таковые проходимцы появлялись, их быстро можно было уличить. Но их, повторяю, не было. Так же и теперь, я уверен, что никто не станет поступать с чужими работами.

А ведь именно такое подозрение, изначально оскорбительное, заложено в самой идее вступительного этюда. В судебной практике существует презумпция невиновности. Так почему же у нас в институте практикуется нечто противоположное — абитуриент должен доказывать, что он не жулик и не подал на творческий конкурс чужое произведение!

Когда я приношу рукопись в издательство, от меня не требуют доказательств, что это действительно моё сочинение. А тут с первых шагов человека огорчают недоверием.

Кроме того, работа, созданная в те несколько часов, которые предоставляются абитуриенту, в подавляющем большинстве случаев никак не отражает его литературных способностей. И даже, на мой взгляд, подавляет их.

Я не люблю слова «вдохновение», считаю, что писатель должен уметь заставлять себя работать. Но нельзя не признать, что акт творчества в значительной мере вещь интимная, это не актёрство, которое изначально предполагает работу на публику.

* Александр Юрьевич Сегень — прозаик, доцент кафедры литературного мастерства, руководитель семинара прозы, ФБГОУ ВО «Литературный институт имени А. М. Горького» (Москва, Российская Федерация); litmasterstvol@litinstitut.ru